

К столетию Уолтера Тэйлора

(Maca A. L., Reyman J. E., and Folan W. J. (eds.). *Prophet, Pariah and Pioneer. Walt W. Taylor and Dissent in American Archaeology*. Boulder: University Press of Colorado, 2010. 416 p.).

Сто лет назад, в 1913 г. в Чикаго в богатой семье появился на свет Уолтер Уилард Тэйлор, основатель контекстуализма в археологии, чья книга 1948 г. «Исследование археологии» потрясла американскую археологию и вообще заняла выдающееся место в истории нашей науки. Это была его диссертация, написанная перед войной и защищенная в 1943 г. Он первым определил археологию как особую науку, не тождественную истории и тесно связанную с антропологией; отверг в построении археологического исследования эмпиризм (от описания к обобщениям), введя взамен проблемно-установочную процедуру исследования; разработал теорию археологической классификации; ввел понятия эмпирических и культурных типов и обосновал принципами функционализма сопрягательный подход. Книга написана чрезвычайно умно. Лидеры современной археологии обращаются к Тэйлору за идеями. Бинфорд пишет, что его собственный экземпляр «Исследования археологии» покрыт тремя словами его, Бинфорда, пометок.

Мало того, что революционными были предлагавшиеся 33-летним Тэйлором после войны преобразования, он откровенно, язвительно и беспощадно критиковал действующих асов — столпов тогдашней американской археологии (отобрал самых крупных!), заявляя, что их хваленые работы жалки и никчемны, а проработанный ими материал подобен плохо переваренной пище.

Книга его была встречена в штыки. Ни один из критикуемых авторов не выступил с опровержениями — да и что тут было опровергать? Главный из них, Киддер, страшно обиженный, подал в отставку с поста главы фонда Карнеги, заправлявшего основными раскопками в стране, и влияние фонда Карнеги с этого времени стало слабеть. Ученики обиженных рецензировали книгу редко и едко. Ссылки на нее появлялись очень скупно. Но число их росло, и чем дальше, тем больше. Книга постепенно набирала вес.

К 1983 году книга все еще продавалась, вышла ее 7-я допечатка. В это время, через 35 и 40 лет после выхода книги, уже появились благоприятные рецензии, в которых видные археологи (Пэтти Джо Уотсон и Джеймс Диц) писали о том, что это книга, опередившая время. Но когда через почти 40 лет после выхода книги состоялось юбилейное, 50-е заседание Общества Американской Археологии, с трибуны Джереми Сэблф спросил собравшихся отцов-основателей, что они теперь думают о книге Тэйлора. Уильям Лонгакр вспоминает: «Могу поклясться, что у ряда присутствующих дым пошел из ушей!». Один из обиженных, Гриффин, заявил, что в Гарварде эту диссертацию нельзя было пропускать к защите (с. 200), другие отозвались в том же духе. Слышавший это 72-летний Уолт Тэйлор встал, вышел из зала и никогда более не появлялся на заседаниях Общества.

И когда через три года, в 1988 г., некоторые ученики и друзья Тэйлора решили выпустить сборник в его честь, удалось собрать только две статьи. Сто видных археологов отказались участвовать. Как высказался Эндрю Кристенсон, с объективным анализом этой книги «придется подождать, пока главные лица, вовлеченные в дело, вымрут» (Christenson 1989: 165). Ученики и друзья оказались терпеливы. «Вовлеченные» уходили один за другим. В 1997 г. умер сам Тэйлор. В 2003 г. очередной форум Общества Американской Археологии в Милуоки, организованный одним из учеников и друзей Тэйлора, проходил под заглавием «Уолтер У. Тэйлор: критическая оценка». Все-таки «критическая». Доклады на этом форуме и легли в основу сборника, который удалось собрать и издать к 2010 году.

Вот этот сборник перед нами: «Пророк, пария и пионер: Уолтер У. Тэйлор и инакомыслие в американской археологии», изданный университетом Колорадо. На шмуцтитуле посвящение: «Все независимым, синтезаторам и диссидентам». В предисловии указано, что «в американской археологии Уолтер Уилард Тэйлор не понят, неверно прочтен, мифологизирован, очернен, предан поношению и осужден как отец-основатель, игнорируется, третируется и трактуется попеременно с презрением и сочувствием» (с. XXI).

Я уделил много места Тэйлору в своей «Панораме теоретической археологии» 1977 г. и особенно в «Истории археологической мысли» (Клейн 2011, 2: 93–103), поэтому естественно, что я с особым интересом стал читать этот сборник, тепло встреченный рецензентами (Murray 2010). Сборник запланирован как цельная книга, с делением на пять частей и на главы. Части носят названия: 1. Введение, среда и общий обзор. 2. Университет Южного Иллинойса: [Тэйлор] с точки зрения коллег. 3. Университет Южного Иллинойса: [Тэйлор] с точки зрения студентов. 4. Анализы работы и влияния Тэйлора. 5. Обсуждение.

Главами одной книги представленные статьи никак служить не могут. Они не только очень разнокалиберны по объему, но и очень различны по взглядам на Уолтера Тэйлора, по отношению к нему, а главное — совершенно не согласованы по тематике: информация, содержащаяся в любой из них, неоднократно повторяется в других статьях. Так что это скорее материалы к биографии Тэйлора и оценке его творчества, очень сырые, необработанные. Конечно, указатель помогает разобраться в материалах, но все же системы в информации явно не хватает, нужна систематизация всего собранного.

Авторы очень много занимаются вопросами о причинах и следствиях поразившего их тэйлоровского критиканства и его нападок на маститых, что погубило его карьеру, ищут причины в характере Тэйлора, его прошлом, усматривают или оспаривают влияние такого же характера его учителя Клайда Клакхона, извлекают уроки: быть осторожнее с атаками на асов, не спешить с осуждением чужих идей, публиковать побольше своих раскопок с позитивными данными и т. п. (Э. Мейка). Приводят слова МакНиша: «Мы оба вводили сопрягательный подход: Тэйлор говорил о нем, я — делал» (с. 118). Много места авторы уделяют значению Тэйлора для археологии майя — это результат специализации организаторов сборника.

Я бы не сказал, что Тэйлор в итоге представленного обсуждения стал более понятен и доступен, что стала яснее его роль в американской археологии, не говоря уж о роли в археологии мировой. Очень мало затронута его

приверженность функционализму и роль воспитавшей его среды в этой ориентировке (между тем, в Чикагском университете в 1931–38 гг. читал лекции Рэдклиф-Браун, а в Йельском в 1938–42 гг., как раз когда Тэйлор перевелся из Йеля в Гарвард, — Малиновский). Только в одной статье (Р. Джойс) упомянуто, что Уилли распознал значение Тэйлора для контекстной археологии. Между тем сопрягательный (*conjunctive*) подход Тэйлора и означает в переводе на более употребительную терминологию течений функционализм и контекстную археологию. Если сопрягательный подход задевается многократно в сборнике, то о других важнейших теоретических открытиях Тэйлора не говорится почти ничего — о его типологии, его исследовательской процедуре, его интерпретации как продвижении от эмпирических данных к культурным и т. п. Ни значение, ни зарождение этих идей не раскрываются.

Однако из сборника можно извлечь много чрезвычайно интересной информации о личности Тэйлора, его учителях и среде, его преподавательских принципах, его времени в американской археологии. Его соучениками в разное время были такие видные фигуры американской археологии, как Ирвинг Рауз, Гордон Уилли, Чарлз Келли.

Личность исследователя выступает из разногласия вспоминающих студентов, учеников, коллег и подчиненных по университету, личных друзей, наконец, археологов-теоретиков (Пэтти Джо Уотсон, Уильяма Лонгакра, Марка Лиони). Среди вспоминающих были не только друзья, но и бывшие друзья, которые рассорились с Тэйлором, и студенты, не наладившие с ним контакта. Их откровенность позволяет составить более полное представление об этой противоречивой фигуре. Явно элитарный по своему происхождению и социальному статусу, он не очень нуждался в карьере, но честно и самоотверженно работал везде, куда его направляла судьба. Единственные крупные раскопки (местонахождения Куахуила) он проводил на средства своей семьи ряд лет еще в молодости. В то же время он имел вкус и средства к жизненным наслаждениям — был отличным спортсменом (бокс и игра в сквош), также рыболовом и охотником, отлично готовил, играл на гитаре и пел «фолк», обожал поэзию Гарсии Лорки, имел коллекцию лучших вин, варил собственное пиво, говорил на многих языках, собрал колоссальную и уникальную антропологическую библиотеку (держал секретаря для ее упорядочивания и использовал для этого студентов, что им, конечно, шло на пользу), разводил для себя в теплице самые дорогие орхидеи, конкурируя в этом с известным торговым домом (Дж. Рейман, У. Фолан).

Из клочков его биографии, рассеянных по сборнику, становится ясно, что его атаки на шестерых маститых археологов, столпов традиционной археологии, были продуманы и совсем не случайны. Он был подготовлен к этому не только своими учителями (идейным вдохновителем Линтоном и непосредственным учителем Клакхоном), но и своим фронтовым опытом. Проучившись несколько лет в Йельском университете, а затем поработав над диссертацией в Гарварде у Клакхона, он сделал весьма сильную и агрессивную работу и в 1943 г. после защиты ушел на фронт.

Воевал он в морской пехоте в Алжире, на Корсике, в Италии и Франции, был зачислен в разведывательное соединение — его забрасывали на парашюте в тыл врага и там он собирал разведанные. Доставлял также секретные

пакеты командованию. Впоследствии он вспоминал, как, доставив такой пакет генералу Эйзенхауэру, он услышал от адъютанта: «Знаешь ли ты, что в этом пакете? — Нет. — Кухонные рецепты от миссис Эйзенхауэр». В одном из парашютных рейдов в 1944 г. он встретился с вожаком французских маки и они вдвоем продвигались по немецкому тылу. Неожиданно наткнулись на немецкое подразделение. Француз был убит, а Тэйлор поражен гранатой. Раненого взяли в плен, после нескольких госпиталей в Италии и Франции он попал в лагерь военнопленных Марлаг Норд. Поскольку англичане и американцы подписали конвенцию о военнопленных (не подписанную Сталиным), обращение с пленными было не такое, как с советскими. Жили по 8 человек в помещении (потом по 14), а старшие офицеры имели двухкомнатные номера, все получали письма, а также продуктовые и книжные посылки из дома (!), могли заочно учиться в Лондонском университете, но паек был очень скудным (хлеба по 290 г). Тэйлор стал читать в лагере курс антропологии (Дарк), даже соблазнил одного товарища по плену (и по разведке), англичанина Дарка, стать антропологом, а при перемещении в другой лагерь бежал и, пробравшись по немецким тылам, вернулся в свое соединение. За войну он был награжден двумя боевыми орденами — Бронзовой Звездой и Пурпурным Сердцем. После войны он долго еще носил свою куртку парашютиста, даже когда она от ветхости превратилась в ошметки (Клэй).

Когда после войны появилась возможность издать диссертацию, Тэйлор еще усилил критику маститых, отвел каждому гораздо больше страниц и ввел новые фигуры (Гриффина).

Конечно, после этого броска в археологию для него были закрыты все кафедры и институты Америки. Он уединился с женой в Мексике, но нашлись старые друзья, сокурсники, которые потянули его в молодой университет недалеко от Чикагского — в Карбондейле. Этот университет встроился в быстро растущую программу расширения антропологии, связанную с новыми тенденциями в мировой и внутренней политике США: перенос акцента с военных действий на перевоспитание и привлечение враждебных народностей и мятежных низших слоев. Потребовались новые кадры со свежими идеями и готовностью мобилизации сил. Тэйлору предложили возглавить кафедру и отделение антропологии. С 1958 года началась его 16-летняя работа в университете Южного Иллинойса. Он смог наладить обучение по своей программе и по своим принципам. Археологов выпускал подкованными в антропологии и со знанием минимум двух иностранных языков.

Со студентами он был необычайно строг, требователен, высшую оценку (A) почти никому не ставил, сам воспитал за 16 лет всего троих докторантов. Тэйлор очень туго шел на контакт со студентами, встречался с каждым раз в месяц, был неприступен и суров, что входило в противоречие с его круглым и безмятежным упитанным лицом. Обычно он давал читать по теме самую современную работу; по сноскам в ней студент должен был выйти на другие работы, и, дойдя до самых ранних, составить полную библиографию. Потом на каждую из этих работ он должен был завести карточку, куда внести ее краткое содержание и выписать из работы все нужные данные на особые карточки (Клэй). Когда его ученик удивился скудной оценке своего сочинения и мотивировал свое удивление тем, что обычно он получал за свои сочинения высшие баллы, Тэйлор сказал ему, что,

хотя обычно он этого не делает, но на сей раз решил отредактировать работу студента, и показал, что 50 страниц безболезненно превратились в 20. Сам он навыки писать сжато вынес из своей средней школы (очень элитарной, лучшей в стране), где его учитель каждый месяц давал ему задание изложить очередную тему, уложившись в 500 слов (Schoenwetter). Излюбленной его реакцией на сообщения учеников было: «Ну и что?» («So what?») (Уэйгэнд).

Женился он еще в 1937 году по горячей любви на своей сокурснице Лайде Паз, с нею у него было трое детей (средний сын стал известным танцором и одним из основателей балета «Трокадеро»). И, хотя Тэйлор пренебрежительно относился к женскому участию в археологии, он брал Лайду с собой в экспедицию, но жила она не на месте раскопок, а в ближайшем городе и проводила там свои исследования (она была антропологом и ботаником). Когда она умерла в 1960-м от рака, это было для Тэйлора огромным потрясением. Да еще в том же году умер его любимый учитель и друг Клакхон, а сосед, на попечение которого Тэйлор оставил свою ценнейшую и лучшую в стране теплицу орхидей, по небрежности поморозил все цветы. В это время его стали мучить мысли, что французский маки погиб по его вине, поскольку он был старшим. Поехал во Францию, посетил те места, где все происходило, и убедился, что за поворотом дороги было не видно врага. Несколько лет Тэйлор почти не писал, а затем женился снова, на сей раз на одной из своих военных сослуживиц по разведке. Брак был неудачным, развод отнял много сил. Третий оказался столь же неудачным и тоже закончился разводом.

В итоге начались его ссоры с друзьями и коллегами. Многие студенты также были настроены против него — издавали стенгазету под названием «Янаконы»: так в пору, когда рабство в бывших испанских колониях было запрещено, назывались зависимые батраки-индейцы, которые на деле были рабами (Schoenwetter). В обыденной жизни Тэйлор придерживался консервативных воззрений, не поддерживал антивоенные настроения молодежи во время вьетнамской войны, голосовал всегда за республиканцев, хотя и расходился с ними в вопросе о поддержке церкви: не был набожным (Уэйгэнд). В 1967 году он отказался от административной работы, передав кафедру Дарку (Рили), а к середине 70-х покинул университет.

Причастность Тэйлора к секретной службе была не столь уж редким явлением в мировой археологии, в частности — в американской. В морской разведке работали такие археологические светила, как Морли, Мейсон, Лотроп и Спинден, в военной разведке во время Первой мировой войны и в Special Intelligence Service во время Второй — старейшина изучения майя Тоззер (Castañeda), учитель Киддера по Гарварду. Тоззера Тэйлор не упоминал в своей книге, хотя тот и был одним из столпов старой археологии. Но видимо Тэйлор слишком уважал старика, а вдобавок тот был членом комиссии, которая и принимала в Гарварде диссертацию Тэйлора. Вот его Тэйлор вообще не упоминал в своей диссертации и книге (Э. Мейка).

Кроме Клакхона воздействие на взгляды Тэйлора оказал учитель Клакхона Р. Линтон, так что курс антропологии, который регулярно читал Тэйлор, был выстроен по учебнику Линтона. Это мне было ясно и до чтения рецензируемого сборника. А вот то, что на взглядах Тэйлора отразились и идеи его учителя по Йелю — выпускника Чикагского университета Корнелиуса Осгуда, куратора

музея Пибоди, — это осветила статья Э. Кихоу в данном сборнике «Корнелиус Осгуд, предшественник». Осгуд, работавший и на Востоке и женатый на китайке, был специалистом по индейцам-атабаскам (северным дене), и его археологические действия были вроде бы выдержаны в духе сопрягательного подхода, хотя он и не употреблял этого термина. Это, а не только труды «Данка» Стронга и Беннета, — конкретная археологическая почва, на которой вырос сопрягательный подход Тэйлора.

Тэйлор считается автором одной великой книги, но Розмари Джойс, рассмотрев его работу 1941 года по иконографии майя, нашла в ней ранний образец структурного анализа.

М. Лиони считает, что понять загадку Тэйлоровского мятежа против устоев американской археологии можно, лишь сообразив, что противоречие имеет глубокий и постоянный характер. По его мнению, дело в том, что у всех археологов назревает личное расхождение между идеальными целями в археологии — открыть нечто сенсационное — и раскопчной рутинной: приходится рыться в массе ничтожных обломков на руинах мелких и неинтересных поселков. Мы жаждем открыть культурные сдвиги судьбоносного значения, а упираемся в статус-кво и мелкие изменения. Мы ожидаем, что от наших открытий будут зависеть судьбы народов, а оказываемся мелкими игроками в глупой игре. Периодически возникает ярость. Вспышки ее приписываются индивидам — Тэйлору, Бинфорду, а ярость живет в нас. По мысли Лиони, причина ее в том, что археология — сугубо политическая дисциплина, у нас нет способов убежать от политических позиций, мы находимся на них неизбежно. Классовая ярость преобразуется в индивидуальное разочарование от своей науки. Лиони задает классический вопрос русских революционных демократов: «Что делать?» (Кто виноват — у него решено заранее по его марксистским убеждениям). Нужно включиться в антиколониалистскую борьбу, понять, что вопреки видимому разрыву между великим прошлым аборигенов и их жалким и навязанным чуждой культурой настоящим можно найти связь с их великим прошлым. Вся нынешняя культура колониальных народов гибридна — часть от аборигенов, часть от колонизаторов. Исследованиями этого, книгами об этом можно закрыть пропасть между идеальными целями и реальностью.

С моей точки зрения, логика этого рассуждения слаба. Как пропасть между классовыми целями народных масс и политикой буржуазии преобразуется в расхождение между честолюбивыми надеждами археолога и серой реальностью, кроется в тумане. Марк Лиони — не единственный западный археолог, ищущий решения социальных проблем археологии в «ревизионистском» марксизме Лукача и Альтюсера. К умеренному марксизму склонялись Чайлд и Триггер, Кристиансен и Кол и др. Большинство археологов Восточной Европы и постсоветской Евразии, перекормленные реализацией марксизма, вряд ли отнесутся к этим идеям с сочувствием: у этих еще не изжито горькое послевкусие. Для них реальный марксизм — это идеологический диктат примитива над интеллектом и пустые полки магазинов, живущие при коммунизме вожди и рабство остальных. Прекраснодушным западным интеллектуалам они бы посоветовали проверить теорию практикой, экспериментом — пожить в Северной Корее или на «острове Свободы». Использовать критический аспект марксизма можно, но делать это нужно очень осмотрительно.

Сам Тэйлор не был вдохновлен левыми идеями и скорее был склонен к элитарному снобизму (с. 137), как отчеканено в 90-х: «антропология в классах, социология — в массах» (Andrews et al. 1996, no. 32 926). Во всяком случае, стоит учесть, что выступление диссидента типа Тэйлора в коммунистической стране было бы подавлено в зародыше, диссертация его не была бы ни защищена, ни напечатана, сам же он, вполне возможно, коротал бы свои дни в лагере, по сравнению с которым условия Морлага Норд показались бы курортом. А мир имел бы основания связать имя Тэйлор с «парией», но не услышал бы ничего ни о «пророке», ни о «пионере».

Литература

- Клейн Л. С.* 2011. История археологической мысли. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та.
- Andrews R., Biggs M., Sedel M.* 1996. The Columbia World of Quotations. New York: Columbia University Press.
- Christenson A.* 1989. The past is still alive: The immediacy problem and writing the history of archaeology // Christenson A. (ed.). Tracing Archaeology's Past: The History of Archaeology. Carbondale: Southern Illinois University Press, 163–168.